

Б. Фирсов

Возвращаясь на круги своя

О В.Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге

Редакция уважаемого мною журнала попросила меня представить читателям недавно вышедшую книгу профессора Университета штата Мичиган (Ист Лэнсинг, США) Владимира Эммануиловича Шляпентоха “Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал”. (М.: Центр социального прогнозирования, 2006. 666 с.)

Я согласился сделать это, памятуя о том, что 14 лет назад я представлял аудитории Санкт-Петербургского журнала “Звезда” (1993, № 2) его же книгу “Открывая Америку”, выпущенную в 1990 году американским издательством “Эрмитаж”. Мое эссе в “Звезде” называлось “Наши потери – их приобретения”. Тогда казалось, а сегодня стало совершенно очевидным, что писать о возвращении имени В. Шляпентоха в прижизненную память моих российских современников и не касаться всех сложных переплетений его профессионального и жизненного пути нельзя. Потому беру на себя смелость воспроизвести мое эссе, вернуться к тем событиям, в связи с которыми испытываю постоянную душевную боль по причине того, что социологическое сообщество тогда, в конце 1970-х, не смогло защитить гражданские права своего коллеги, и он вынужденно, против воли и желания, навсегда покинул Россию.

Итак...

Жизнь и судьба – с этих слов хочется начать разговор о В.Э. Шляпентохе. Первая может сложиться на редкость несчастливо, загнав челове-

ка в глубокую колею безысходности. Но иной раз выручает судьба, своенравная и неподвластная желаниям людей. Горький привкус жизненных неудач она по своему усмотрению заменяет ощущением полноценности бытия. Нечто подобное произошло с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Казалось, ничто не предвещало несчастья и крушения надежд. Уроженец Киева, он уцелел в годы войны, получил хорошее образование, увлекся эконометрией, в самом начале 60-х годов, совсем молодым, защитил докторскую диссертацию в Московском институте мировой экономики и международных отношений и стал известен в профессиональных кругах. Ему предложили работу в сибирском академгородке, где в период короткой хрущевской “оттепели” особенно остро ощущался многообещающий ветер перемен. Поверив в их возможность, В. Шляпентох решил целиком посвятить себя изучению нашего общества. Истоки такого решения понять нетрудно. Курс, предложенный Н. Хрущевым, казалось, подразумевал, что с общественных наук будут сняты цепи сталинских догм и можно будет изучать реальные проблемы страны и народа. Либерализация общественной жизни естественно вытекала из новых социальных условий. Какое-то время в нее свято верили, не предполагая, что уже в разгар “оттепели” начнется строгое дозирование позволенного властями разномыслия, а затем наступит беспросветная пора запрета на наметившийся было плюрализм.

Человек, от природы наделенный талантом наблюдателя и аналитика, В. Шляпентох органично и стремительно вписался в новую для постсталинского общества науку – социологию. Его имя и результаты его социологических трудов быстро стали известны в нашей стране.

Прежде всего – речь о его вкладе в развитие эмпирических исследований. Это сейчас они кажутся неотъемлемым элементом повседневности, но тогда, в начале 60-х, сам факт интервьюирования или анкетного опроса знаменовал собой своеобразный прорыв: жители страны смогли говорить, стала возможна прямая коммуникация с населением и, как следствие, стала слабеть власть лживых государственных каналов “правды”. Одновременно с этим прорывом ликвидировалась монополия власти на право знать и определять по своему разумению потребности и интересы людей.

Добавлю, что для открытия первых социологических истин об обществе требовался определенный тип ментальности, – потому и сохраняют свою ценность пионерские “штудии” Владимира Шляпентоха. В их числе (я называю лишь главные): первые всесоюзные исследования – опросы читателей “Известий”, “Правды”, “Труда” и “Литературной газеты” (1966–1970); исследование мнений и отношения населения страны к средствам массовой информации (1971); программа повторного изучения читателей “Правды” (1976); работа по расчетам первой общенациональной выборки взрослого населения страны, без которой не обходится ни одно цивилизованное государство, если оно желает иметь надежную и обоснованную картину реакций своих сограждан на разные стороны социальной жизни (1977).

Богатство сведений, которыми располагал В. Шляпентох как социолог, помогло ему создать серию книг, которые и по сей день служат интересам и целям социологической деятельности:

“Социология для всех. Некоторые проблемы, результаты, методы” (М.: Советская Россия, 1970); “Проблемы достоверности в социологических исследованиях” (М.: Статистика, 1973); “Как сегодня изучают завтра. Современные методы социального прогнозирования” (М.: Советская Россия, 1975); “Проблемы репрезентативности социологической информации. Случайная и неслучайная выборка в социологии” (М.: Статистика, 1976). В них он выступает, с одной стороны, как исследователь-методолог, тонкий знаток рецептов и “кухни” социологической

профессии, а с другой – как убедительно звучащий, обладающий завораживающим умением рассказывать и объяснять популяризатор своей науки. На память приходит еще один важный факт. Едва ли не четверть века ушла на разрешение “постоянной прописки” для социологии на “служебной площадке” советской высшей школы. Но когда усилиями академика С.Т. Беляева в Новосибирском государственном университете фактически нелегально открыли кафедру социологических исследований, В. Шляпентох в числе первых “подпольных” преподавателей читал там блестящие лекции по проблемам советской и западной социологии, по количественным методам.

Пик развития горемычной науки пришелся на 1965–1972 годы. Энтузиазм первого поколения социологов тогда не ослабевал. Развитие новой дисциплины шло динамично, несмотря на то что существовала она под вымышленным именем. Не хотелось бы углубляться в историю, скажу кратко: даже в период, когда казалось вполне очевидным, что солнце социологии встает над страной, само понятие “социология” по инерции сталинской эпохи привычно и устойчиво связывалось идеологами с понятием “буржуазная наука”. Не буржуазным разрешалось считать лишь изучение различных общественных явлений с помощью количественных мето-

Курс, предложенный Н. Хрущевым, казалось, подразумевал, что с общественных наук будут сняты цепи сталинских догм и можно будет изучать реальные проблемы страны и народа. Либерализация общественной жизни естественно вытекала из новых социальных условий

дов – причем лишь тех, которые получили сертификат социальной благонадежности. В эту своеобразную резервацию и поместили науку социологию под псевдонимом “конкретные социальные исследования”. Плохо? Да, плохо, но выбирать не приходилось. Академик А.М. Румянцев взял на себя риск, связанный с организацией нового института, воспользовавшись зеленым огнем светофора, и в 1968 году на Писцовой улице в Москве, в тесном полуподвальном помещении с гордой вывеской “Институт конкретных социальных исследований АН СССР” появились первые профессиональные социологи, до этого рассыпанные по разным приютам пробуждавшейся социологической мысли. К ним вскоре присоединился и В. Шляпентох, по вызову академика А.М. Румянцева сменивший Новосибирск на Москву. Вместе со своими коллегами он исследовал, изучал, писал статьи и отчеты, производил речи, возбуждая общественный интерес к новой науке, содействуя росту ее авторитета и престижа. Впоследствии этот период горения и благородных мечтаний сам В. Шляпентох в одной из своих книг, написанных уже за рубежом, назовет “золотым веком советской социологии”. Но как краток был сей век!

В 70-е жизнь В. Шляпентоха стала меняться вполне определенным и довольно предсказуемым образом. Первый сигнал о том, что существуют какие-то сомнения в его “советскости”, был подан в 1970 году, накануне очередного международного социологического конгресса в Варне. К большой советской делегации тогда решили добавить многочисленный отряд научных туристов из всех городов страны, где действовали социологические центры. Основная идея поездки была простой – помочь увидеть и понять мировую социологию как движение, как единый процесс и как профессиональное сообщество. Рейтинг В. Шляпентоха в глазах его коллег был высок, к тому же пришло и приглашение из-за рубежа. Но это не повлияло на решение кураторов – работников отдела науки ЦК КПСС – вычеркнуть В. Шляпентоха из списков. Произошло это буквально накануне отъезда в Болгарию. Он остался в Москве, и с тех пор выезд ему был закрыт.

Но В. Шляпентох не сдавался, уходил с головой в работу, публиковал книги – это еще больше подчеркивало абсурдность поражения в выездных правах, но пути к восстановлению этих прав не было. Более того, то тут, то там начали звучать реплики, что В. Шляпентох все время что-то критикует, пытается заглядывать туда, куда заглядывать вовсе не следует. С этого момента его идеи встречались в штыки, несмотря на их разумность и актуальность. Так, например, он опубликовал на страницах “Литературной газеты” обзор писем читателей, которые в большинстве своем высказывались за организацию службы брачных знакомств. В ответ на это “Правда” напечатала реплику “Электронная сваха”, где автор обзора обвинялся в некритическом отношении к западным веяниям. Разве можно допустить, чтобы и у нас люди в брачных объявлениях “торговали” своими достоинствами? Советская семья складывается по другим – альтруистическим и возвышенным – нравственным правилам.

Вместе с группой своих коллег по Институту социологических исследований В. Шляпентох разработал всесоюзную выборку, пользуясь исключительно аппаратом статистики и математики. И вновь неудача. После того как из института “ушли” академика А.М. Румянцева и начался разгон “старой гвардии” социологов-профессионалов, под сомнение была поставлена сама идея всесоюзных опросов. Их цели и функции показались кому-то неясными, чтобы не сказать подозрительными.

Коридор, по которому мог ходить исследователь, становился все более узким. В 1976 году редакция “Правды” выразила желание провести повторный опрос своих читателей. Но к этому времени социологов уже четко поделили на два лагеря: на тех, кому можно, и тех, кому нельзя доверять работу по заказам партийных органов. В. Шляпентох в роли открывателя социологических истин не устраивал кураторов социологии из отдела науки ЦК КПСС – Николая Варфоломеевича Пилипенко и Григория Григорьевича Квасова. Допускаю, что они не вели личной борьбы с В. Шляпентохом. Их цели были более высокими: нужна сервильная социология, не способная возвысить свой голос до протеста против

вопиющих несообразностей жизни. В. Шляпентох не из тех, кто мог согласиться на примитивную дрессуру социологической мысли. К тому же он беспартийный. Можно ли доверять такому человеку? И вот, когда редколлегия “Правды” обсуждала итоги повторного обследования своей аудитории (проведенного на основе программы и методик В. Шляпентоха), автора программы, доктора наук, ученого, имеющего всесоюзное имя, не только не пригласили на заседание, где эти итоги докладывались правдистам, но и запретили показывать ему текст отчета.

1976 и 1977 годы – самые тяжелые. Невозможность профессиональной реализации угнетала. Где гарантии, что в подобном тупике рано или поздно не окажутся дочь и сын?.. Не станем утомлять читателя подробным описанием сомнений и раздумий, естественных для человека, оказавшегося в такой ситуации. Утверждаю, что В. Шляпентох вынужденно избрал известный путь: заявление об отъезде в Израиль, далее Рим и переезд в США, где в считанные годы он приобретает статус полноправного социального исследователя, пожизненное профессорское место, уважение коллег, внимание властей и, наконец, условия для реализации своих разнообразных и богатых потенциалов.

Владимир Шляпентох по-прежнему остается связанным с землей своих родителей и своих друзей, которую не по своей воле оставил. Его отъезд в США в 1979 году – утрата для советской науки. Теперь он американец, и слова американца о нем я хотел бы привести. Представляя американцам книгу В. Шляпентоха о советской социологии, проф. М. Розенберг писал: “Мы счастливы, что этот знающий и талантливый ученый влился в ряды социологов Запада. В данном конкретном случае, как и во множестве других случаев с советскими деятелями науки, культуры, искусства, приставшими к американским берегам, их потери стали *нашим* приобретением”.

Приведу и слова Ф. Шереги, аспиранта В. Шляпентоха в советские годы, а ныне директора Центра социального прогнозирования, который выпустил в свет новую книгу Владимира Эммануиловича, преподнеся бесценный дар сообществу российских социологов и студентам, вступающим на социологическую тропу: “Сложившаяся в конце 1970-х годов поистине хамская среда вокруг ученого, всеми своими помыслами, талантом и усилиями стремившегося внести максимальный вклад в развитие советской прикладной социологии, явилась главной причиной, побудившей его уехать из страны. И это при том, что к самой социально ориентированной государственной системе В. Шляпентох оставался искренне лоялен”.

Вот что я писал в достопамятном 1993-м.

А теперь несколько слов о новой книге, которая, я верю, скоро станет настольным пособием для всех, кто стремится к высокой культуре социологической деятельности. Она включает четыре монографии, изданные В. Шляпентохом 30 лет тому назад в СССР. Небольшое редактирование этих книг, произведенное издательством Центра социального прогнозирования, позволило рассматривать все четыре тома “Библиотеки прикладной социологии” в определенном организационном единстве. Само содержание книг сохранило свою непреходящую ценность и оказалось неподвластным времени. Читатель XXI века извлечет из них те же элементы, важные для “внутреннего совершенства социологического поиска истины” (Б. Докторов), что и социологи-первопроходцы второй половины XX века.

Долгожительству идей В. Шляпентоха можно только позавидовать. Потому я предлагаю своим коллегам всех возрастов и поколений приобрести его “четыре книжки”. Оно будет надежным компасом в научной деятельности каждого из них!

Человек, от природы наделенный талантом наблюдателя и аналитика, В. Шляпентох органично и стремительно вписался в новую для постсталинского общества науку – социологию. Его имя и результаты его социологических трудов быстро стали известны в нашей стране